

УДК 1(47)

ББК 81.18

Андреа Лена Корриторе

Università degli Studi di Perugia (Университет Перуджи), старший сотрудник кафедры русского языка и литературы, доцент русского языка и литературы, Италия, Перуджа, e-mail: andrea.lenacorritore@unipg.it

Псевдо-Хафиз В.С. Соловьева и влияние переводческой традиции Г.Ф. Даумера и А.А. Фета

Аннотация. Рассматриваются русские переводы текстов персидского поэта Хафиза, выполненные В.С. Соловьевым в 1885 г. (24 стихотворения – в первом журнальном издании, сокращенные до 11 во всех последующих книжных изданиях). Интерес русского философа к Хафизу вписывается в контекст европейского ориентализма, в частности немецкого, получившего широкое распространение после выхода в свет «Западно-восточного дивана» (*West-östlicher Divan*) И.В. Гете (1819 г.). Подчеркивается непосредственная связь переводов Соловьева с переводами из Хафиза, опубликованными А.А. Фетом в 1860 г. Для перевода Фет избрал поэтические подражания Хафизу, созданные немецким поэтом и философом Г.Ф. Даумером (*Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte*, 1846 г.), в частности второе издание стихов, опубликованное в 1856 г. До сих пор предполагалось, что Соловьев переводил тексты Хафиза по подражаниям немецкого поэта Ф. Боденштедта (1877 г.). Показано, что в действительности поэт-философ пользовался теми же подражаниями Даумера, что и Фет, вероятно взяв их из того же тома, принадлежавшего старшему коллеге. Это обстоятельство позволяет более непосредственно соотнести два хафизовских поэтических цикла и сделать некоторые общие выводы о разных намерениях, которыми руководствовались оба поэта при переводе персидского мистика: для обоих Хафиз был важен в работе над их собственными художественными формами и философскими идеями, хотя понимание его было у каждого из них особенным. Проведенный анализ показал, что Соловьев был гораздо ближе к Хафизу, чем Фет: Фет в персидском поэте видел певца красоты и рассматривал эстетическое явление как самоценное; для Соловьева красота была проводником божественного, как и для Хафиза. Темы любви, ее двойной природы, имманентность божественного в мире будут разрабатываться Соловьевым в последующие годы и найдут отражение в серии статей, ключевых для понимания его мировосприятия и ставших объектом внимания поэтов-символистов: «Красота в природе» (1889 г.), «Общий смысл искусства» (1890 г.), «Смысл любви» (1892 г.), «Жизненная драма Платона» (1898 г.) и др.

Ключевые слова: поэзия Хафиза, европейский ориентализм, персидская поэзия, мистический эротизм, софиология В. Соловьева, вольный перевод, русский модернизм

Andrea Lena Corritore

Università degli Studi di Perugia, Researcher of the Department of Russian Language and Literature, Assistant Professor of Russian Language and Literature, Italy, Perugia, e-mail: andrea.lenacorritore@unipg.it

V.S. Solov'ev's pseudo-Ḥāfez and the influence of the translation tradition of G.F. Daumer and A.A. Fet

Abstract. The essay analyses the Russian translations of Ḥāfez by V.S. Solov'ev in 1885 (24 poems in the first journal edition, reduced to 11 in all subsequent volume editions). The Russian philosopher's

interest in the Persian poet is part of European, and specifically German, Orientalism, which became popular since the publication of J.W. Goethe's "West-Eastern Divan" (1819). This interest has a direct connection with the translations of Hafiz published by A.A. Fet in 1860. As has been shown, Fet translated Ḥāfez not directly, but through the poetic imitations of him by the German poet G.F. Daumer ("Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte", 1846; in particular, he used the second edition of these poems, published in 1856). Solov'ev's lyrics have hitherto been thought to be translations of Hafezian imitations by the German poet F. Bodenstädt (1877). The essay shows how actually Solov'ev used the same imitations by Daumer as Fet, probably taking them from the same volume used by the older poet. This enables to relate the two Hafezian poetic cycles more directly and to draw some general considerations on the different intentions that drove the two poets in translating the Persian mystic: for both, Ḥāfez was functional in conveying their own artistic form and philosophical meaning, although each of them had a different understanding of him. The analysis shows that Solov'ev was much closer to Ḥāfez than Fet. In the Persian poet Fet saw a singer of beauty and regarded the aesthetic phenomenon as self-valuable; for Solov'ev, beauty was a conduit of the divine, as it was for Ḥāfez. In his poems, the young beautiful cupbearers (replaced in Daumer by the beloved woman) are always the personification of God. It was these themes (the power of love; its dual nature, both mystical and earthly; the immanence of the divine in the world) that Solov'ev would develop in the following years and would be reflected in a series of articles key to understanding his worldview and which became the object of attention of Symbolist poets: "Beauty in Nature" (1889), "The General Meaning of Art" (1890), "The Meaning of Love" (1892), "The Life Drama of Plato" (1898), and others.

Key words: Hafiz's poetry, European Orientalism, Persian poetry, mystical eroticism, Solov'ev's sophiology, free translation, Russian modernism

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.1.036-051

Во вступительной статье к изданию стихотворений В.С. Соловьева в «Библиотеке поэта» редактор сборника З.Г. Минц утверждает, что невозможно дать общую оценку его поэзии, не учитывая его переводческую деятельность. Она подчеркивает, что отбор переводимых авторов никогда не был случайным для поэта-философа, а скорее обнаруживал прямую связь с эволюцией его мысли: «Он переводил только то, что давало ему возможность выразить какие-то стороны собственного мирозерцания» [1, с. 47].

Поэтические переводы Соловьева, выполненные в основном во второй половине 1870–1880-х годов, представляют собой небольшой и относительно малоизученный корпус его поэтического наследия. Среди переведенных авторов Платон (1874 г.), поэты-романтики Гейне (сер. 1870-х гг.), Шиллер (1877 г.), Мицкевич (1885 г.), а также итальянцы Данте (1886 г.)¹, Петрарка (1883 г.), Джован-Баттиста Строщи ст. (эпиграмма на стих. Микеланджело и ответ скульптора, 1883 г.), Пьетро Метастазиио (1884 г.)²; Вергилий («Четвертая эклога», 1887 г.). И наконец, переводы трех отдельных стихотворений – Прерадовича (1886 г.), Лонгфелло (1891 г.) и Теннисона (1893 г.).

---

¹ См.: Черкасова Е.А. В.С. Соловьев – переводчик Данте // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 1(73). С. 40–54 [2].

² Стихотворение Метастазиио *L'onda dal mar divisa* (ария из муз. драмы Леонардо Винчи) было включено самим автором в сборник своих стихов без указания источника (с 1-го изд. 1891 г.). По этой причине оно традиционно не причисляется к переводам (см.: Foni G. *L'onda peregrina tra le*

Хорошо известен перевод в гекзаметрах «Энеиды» Вергилия, ставший результатом активного сотрудничества А.А. Фета и Соловьёва³. Летом 1887 г. поэты работали над ним вместе в имении Фета «Воробьевка» (Курская губ.), постоянно советуясь друг с другом, а также со специалистами-классицистами.

Что касается прозы, в 1880 г. Соловьёв опубликовал перевод сказки Гофмана «Золотой горшок» с небольшим предисловием⁴. В конце жизни вместе с братом Михаилом философ работал над русским переводом «Платоновых диалогов», к осуществлению которого его давно призывал Фет. Первый том вышел в 1899 г. с предисловием, в котором Соловьёв уточнил свои теоретические позиции относительно перевода, в том числе и в связи с его прошлым сотрудничеством с Фетом. Второй том вышел посмертно, в 1903 г.⁵

Из сказанного выше очевидно значение Фета для поэтического творчества Соловьёва. Знакомство двух поэтов состоялось примерно в середине 1870-х годов, но именно в начале 1880-х можно зафиксировать начало их дружбы и долгого литературного сотрудничества⁶. Соловьёв был на поколение моложе Фета. После возвращения из путешествий по Европе и Египту он стал посещать столичные литературные салоны, где вскоре проявил свой выдающийся поэтический талант. Именно поэтому в 1880 г. Фет доверил ему проверку своего стихотворного перевода «Фауста» Гете⁷. Действительно, связь Соловьёва и Фета коренилась именно в области поэтического перевода настолько, что даже позднее, в 1885–1886 годах, Соловьёв помогал старшему другу в его переводах на русский язык текстов Катулла и Овидия⁸.

Значимость Фета в поэтическом творчестве Соловьёва стала почти общим местом в соловьёведении: «ученик Фета» – назвал его Валерий Брюсов в 1900 году по случаю выхода третьего издания его стихов⁹, и с тех пор нет ни одной работы, посвященной Соловьёву-поэту, в которой это определение не упоминается¹⁰.

culture: un'aria dell'Artasense tra Metastasio e Solov'ëv // *Comunicare Letteratura*. № 6. 2013. С. 253–265 [3]).

³ Вергилий. Энеида: в 2 т. / пер. А. Фета, введ., объясн. и проверка текста Д.И. Нагуевского. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888 [4]. См.: Теперик Т.Ф. Владимир Соловьёв: поэтика перевода (на материале «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 158–164 [5]; Ипатова С.А. Об участии В.С. Соловьёва в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 119–135 [6].

⁴ Ср.: Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / сост. ст. коммент. Н.В. Котрелева. М.: Книга, 1990. С. 163–164, 508 [7].

⁵ Творения Платона: в 2 т. / пер. с греч. В.С. Соловьёва. М.: К.Т. Солдатенков, 1899–1903 [8].

⁶ Ср.: Переписка Фета с Вл.С. Соловьёвым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 362 [9].

⁷ Ср.: Письмо Фета к С.В. Энгельгардт от 5.02.1881 (цит. по: Переписка Фета с Вл.С. Соловьёвым. С. 367).

⁸ Там же. С. 366.

⁹ Брюсов В.Я. Владимир Соловьёв. Смысл его поэзии // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. VI. М.: Худож. лит., 1973–1975. С. 220 [10].

¹⁰ См., например, вступительную статью З.Г. Минц, которая также сопоставляет имя Фета с именами Жуковского и Тютчева: Минц З.Г. Владимир Соловьёв – поэт (см.: Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. статья, сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: С. 22, 53).

На этом фоне большой интерес представляют русские переводы текстов Хафиза, выполненные с разницей в двадцать пять лет сначала Фетом, а затем Соловьевым. Эти переводы сыграли важную роль в русском литературном контексте: они не только сыграли большую роль для введения в России формы газели (в случае Фета)¹¹, но и расширили спектр литературных ссылок для таких тем, как мистический эротизм или воспевание опьянения, которые в последующие годы пользовались большой популярностью как в творчестве самого Соловьева, так и в кругах символистов, признававших его своим *maître à penser*: достаточно напомнить о «Друзьях Гафиза» – сообществе, основанном в 1906 г. В.И. Ивановым, включавшем известных поэтов, философов и художников того времени¹².

«Ḥāfez» (Хафиз), т.е. «тот, кто знает Коран наизусть», – поэтический псевдоним Шамс ад-Дина Мухаммада, который родился в Ширазе (юго-западная Персия) в 1315–1321 гг. и умер там же в 1389–1390 гг. Ему приписывается *Divān* (Песенник), состоящий примерно из пятисот газелей и нескольких других текстов различной формы. В поэтическом творчестве Хафиза сочетаются эротико-любвные мотивы (возлюбленный обычно представлен юношей, часто виночерпием, красота которого является божественным прозрением), кощунственное (для исламской культуры) воспевание вина, побуждение к антиортодоксальному ниспровержению установленного порядка (суфийские мастера обвиняются в лицемерии и лживости, а превозносятся чистота и святость христианских и зороастрийских «пьяниц»). Эти темы признанного мастера суфизма способствовали появлению противоположных экзегетических позиций: одни истолковывают содержание стихов Хафиза буквально, другие воспринимают их как мистические аллегории¹³.

Интерес к персидскому поэту в России возник в 1820-х годах и восходит к открытию Востока немецкой интеллигенцией. Это явление известно как «ориентализм». Согласно определению Саида, это особый способ репрезентации восточного мира в академической и художественной сферах, распространенный в Европе с XVIII в., через комплекс дискурсивных практик, часто фальсифицирующих и предрассудочных¹⁴.

В 1819 г. Гете, вдохновленный творчеством Хафиза, опубликовал «Западно-восточный диван». Вслед за Гете в последующие годы в Германии появилось немало поэтов, которые стали переводить персидских поэтов, а чаще подражать им

¹¹ Газель – поэтический жанр, широко распространенный на Ближнем Востоке в средние века. Его тематика традиционно – любовно-эротическая (см.: Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001. С. 208–213 [11]).

¹² См.: Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Богомолов Н.А. М. Кузмин: статьи и материалы. М.: НЛО, 1995. С. 67–98 [12]; Shishkin A. Le banquet platonicien et soufi à la 'Tour' pétersbourgeoise. Berdjaev et Vjačeslav Ivanov // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. (Un maître de sagesse au XX-e siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps). 1994. Vol. 35, No. 1–2. P. 15–79 [13]; Он же. Северный Гафиз (Новые материалы) // От Кибирова до Пушкина / сост. А. Лавров и О. Лекманов. М.: НЛО, 2011. С. 687–701 [14].

¹³ См.: Hafez // Encyclopaedia Iranica / E. Yarshater (ed.). New York: Columbia University, 2003. Vol. XI. Fasc. 5. P. 461–507. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/hafez> (дата обр.: 17.10.2023) [15]; Pellò S. Introduzione // Ḥāfez. Ottanta canzoni / a c. di S. Pellò. Torino: Einaudi, 2008. P. V–XXVII [16].

¹⁴ См.: Said E.W. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979 [17].

(Руми, Саади и, в частности, Хафизу). Среди них следует упомянуть Ф. Рюккерта (1788–1866) и А. фон Платена (1796–1835), поскольку они имели успех и в России¹⁵.

В это же время в России стали появляться первые переводы персидской поэзии и подражания восточной поэтике¹⁶. Русская публика, однако, познакомилась с Хафизом в основном по переводам А.А. Фета¹⁷. Он перевел его с немецкого, вернее, перевел подборку его стихов, взяв их из сборника немецкого поэта Г.Ф. Даумера (1800–1875) *Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte* (2-е изд. 1856 г.)¹⁸. Это были не настоящие переводы, а вариации на темы Хафиза: метод Даумера заключался в том, что он брал фрагмент из газели Хафиза, на его взгляд особенно яркий или запоминающийся, и развивал его тему в оригинальном стихотворении¹⁹.

Впервые сборник Даумера был издан в 1846 г. в Гамбурге и содержал, помимо авторского вступления, 216 стихотворений, приписываемых Хафизу, а также краткую антологию лирики разных стран. В конце тома находился раздел *Nachträglich zu Hafis*, содержащий 33 стихотворения. Во втором издании 1856 г. этот раздел был включен в основной сборник. Кроме того, было добавлено пять новых переводов, в результате чего общее число псевдохафизовских стихотворений составило 254. Раздел лирики разных стран остался неизменным²⁰.

¹⁵ См.: Орлицкий Ю. Газэлы Вячеслава Иванова // Вяч. Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 251 [18].

¹⁶ См.: Чалисова Н., Смирнов А. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: «Вост. лит.-ра» РАН, 2000. С. 245–344 [19]; Эберман В.А. Арабы и персы в русской поэзии // Восток. Кн. III. М.; Пб.: Всемирная лит., 1923. С. 108–125 [20]; Михайлов А.В. Поэзия «Западно-восточного дивана» в русских переводах // Гете И.В. Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 681–708 [21].

¹⁷ Переводческая деятельность Фета занимает важное место в его творчестве, и целый том собрания его сочинений посвящен переводу (см.: Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. II. Переводы 1839–1863 / тексты и коммент. подгот. А.В. Ачкасов, Н.П. Генералова, В.А. Лукина, А.В. Успенская. СПб.: Фолио-Пресс, 2004 [22]). В частности, о его переводах из Хафиза см.: Бухштаб Б.Я. Примечания: Переводы: Из Гафиза // Фет А.А. Полн. собр. стих. / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 826–831 [23]; Генералова Н.П. О Фетепереводчице // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. II. Переводы 1839–1863. С. 519–550 [22]; Генералова Н.П., при участии В.А. Лукиной. Гафиз. Комментарии // Там же. С. 604–615, 646–648 [22]; Klenin E. Turgenev's Gift, or How Fet Read Daumer and Translated Hafiz // Стих, язык, поэзия. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 25–262 [24]; Лукина В.А. Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза // Тургенев: новые материалы и исследования / ИРЛИ РАН; отв. ред. Н.П. Генералова, А.В. Лукина. СПб.: Альянс-Архео, 2009. Вып. I. С. 193–208 [25]; Алексеев П.В. Хафиз в творческом сознании А.А. Фета // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 71–79 [26]; Саяпова А.М. Диалог творческого сознания А.А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз). 2-е изд. М.: Изд-во «Флинта», 2016 [27].

¹⁸ Daumer G.F. *Hafis: eine Sammlung persischer Gedichte: nebst poetischen Zugaben aus verschiedenen Völkern und Ländern*. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1856 (далее: Д56) [28].

¹⁹ См.: Горбачевский А.А. Перевод или мистификация? (Хафиз в переводах А. Фета) // Уржумка. 1997. № 1(3). С. 50–51 [29].

²⁰ Позднее Даумер издал еще один сборник подражаний Хафизу: *Hafis. Neue Sammlung*. Nürnberg: Bauer und Raspe, 1852 (2-е изд. 1868). См.: Лукина В.А. Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза С. 193–195.

В.А. Лукина показала, что Фет пользовался именно вторым изданием сборника, так как одно из переведенных им стихотворений встречается только в нем²¹. Приступая к работе, поэт не знал, что это подражания, а не переводы из Хафиза, так же как и Тургенев, когда ранней осенью 1859 года по его просьбе привез ему из Франции книгу Даумера²². Перевод Хафиза с немецкого был для Фета естественным выбором: это был его родной язык, и, что еще важнее, Хафиз был известен широкой европейской публике по «Дивану» Гете. Были и другие переводы, и подражания немецких авторов, как уже говорилось выше, но в 1840–1850-е годы Даумер пользовался особенным успехом²³.

В 1859 г. Фет переживал непростой период: он перевел две пьесы Шекспира – «Антоний и Клеопатра» и «Юлий Цезарь», перевод последней вызвал жесткую критику, грозившую подорвать его репутацию писателя²⁴. Теперь он хотел реабилитироваться, проявив свой талант в переводе великого поэта, который уже несколько десятилетий находился в центре внимания немецкого литературного мира. Кроме того, Хафиз давал ему возможность впервые попробовать свои силы в новой форме газели²⁵.

В то же время перевод Хафиза был нужен Фету, чтобы поддержать свою философско-эстетическую концепцию, изложенную в том же году в эссе о поэзии Тютчева: подлинное искусство, утверждал он, должно иметь своей единственной целью изображение не реального объекта, а скрытой в нем идеальной стороны, а именно его красоты²⁶. Поэзия Хафиза с ее стремлением запечатлеть как имманентный, так и трансцендентный аспекты изображаемой реальности полностью проникнута суфийской темой любви, согласно которой лицо возлюбленного – это прозрение божественной красоты²⁷, пусть и опосредованное Даумером, давала ему возможность высказать свои идеи²⁸. Для обоих поэтов любовь была посредником, открывающим доступ к идеальной сфере: божественной – для Хафиза, эстетической – для Фета. Более того, гетеродоксальные позиции персидского поэта, отвергающего всякий поверхностный мистицизм и религиозный фанатизм, стали для Фета метафорой его особого статуса поэта-«еретика», отстаивающего принцип

---

²¹ См.: Лукина В.А. Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза С. 195.

²² В своем предисловии к сборнику Даумер высказывается на этот счет не совсем однозначно (Hafis. 1856. С. XI–XXI). Тургенев открыл мистификацию в 1868 году, как он пишет в дневнике в записи от 16 марта того же года. См.: Генералова Н.П., при участии В.А. Лукиной. Гафиз. Комментарии // Фет А.А. Соч. и письма. Т. II. С. 604.

²³ Ср.: Михайлов А.В. Поэзия «Западно-восточного дивана». С. 700–701.

²⁴ См.: Ачкасов А.В. Шекспир. Комментарии // Фет А.А. Соч. и письма. Т. II. С. 650–680.

²⁵ Более половины стихотворений, переведенных Фетом из Даумера, – газели или близкие к ним по форме (см.: Klenin E. Turgenev's Gift, or How Fet Read Daumer and Translated Hafiz. С. 258).

²⁶ См.: Фет А.А. О стихотворениях Ф. Тютчева // Фет А.А. Соч. и письма. Т. III. Повести и рассказы: Критические статьи / тексты и коммент. подгот. Н.П. Генералова, А.Ю. Сорочан, М.В. Строганов, А.В. Успенская, Л.И. Черемисинова. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. С. 177 [30].

²⁷ Ср.: Hafez // Encyclopaedia Iranica / E. Yarshater (ed.). С. 469–474.

²⁸ См.: Алексеев П.В. в статье «Хафиз в творческом сознании А.А. Фета» писал: «Новизна фетовского подхода заключается в том, что впервые в русской литературе образ Хафиза был полемически использован для программного утверждения художественно-эстетических принципов, предлагаемых для определения понятия “истинное искусство”» [26, с. 79].

«истинного искусства», по отношению к наметившейся в то время тенденции, примером которой стала новая редакционная линия журнала «Современник»²⁹. Следует, однако, подчеркнуть, что Фет никогда не форсировал перевод текстов с целью превратить их в программный манифест своей поэтики или своих идей, а выбирал наиболее подходящие стихотворения для их выражения.

Поэт начал усердно работать над переводами и к первой половине октября 1859 г. перевел уже 18 текстов, которые представил А.В. Дружинину (1824–1864), редактору журнала «Библиотека для чтения», и самому Тургеневу с просьбой пересмотреть тексты³⁰, так как Фет часто прибегал к помощи Тургенева при редактировании своих переводов³¹. Он намеревался перевести около тридцати стихотворений и опубликовать их, сопроводив кратким предисловием, в журнале Дружинина или каком-то другом периодическом издании: «небольшой букет», как он позднее написал, «связанный в моем переводе из стихотворных цветов персидского поэта»³². Идея «восточного букета»³³, очевидно, отражала замысел составить показательный цикл персидского поэта, который будет впервые представлен русской публике. Иными словами, знание о Хафизе в России должно было пройти через отбор Фета. Но в этом отношении мнения поэта и его редакторов – Тургенева, Дружинина, а позднее и Анненкова – не совпадали. На редакционном собрании из 35 стихотворений, предложенных Фетом, так называемый «ареопаг» «Библиотеки для чтения» признал пригодными для публикации только тринадцать, девять подлежали переработке, а остальные тринадцать отвергались «как незначительные и могущие только охладить на первых порах публику к Гафизу»³⁴. Упрек, который редакторы предъявляли Фету, был следующим: «выбор, сделанный Вами, не совсем удовлетворителен: Вы, налегая на эротические стихотворения, пропустили много хороших» [31, с. 114]. Как известно, поэт попытался учесть эти замечания и перевел другие стихи, хотя и не был согласен с редакцией. В итоге Фет решил отдать своего «Гафиза» в журнал «Русское слово», где в февральском номере 1860 г. была помещена подборка из 24 стихотворений (два из которых, XV и XXIV, по цензурным соображениям были заменены точками), предваряемая его предисловием. Фет продолжал переводить Хафиза с помощью Тургенева и в последующие годы, а в сборнике своих стихотворений, вышедшем в 1863 г., к уже опубликованным переводам добавил три новых (общее число подборки составило 27 стихотворений)³⁵.

Двадцать пять лет спустя, в 1885 г., Соловьёв опубликовал 24 стихотворения под названием «Стихотворения. Из Гафиза»³⁶. Над их переводом поэт-философ

²⁹ См.: Фет А.А. О стихотворениях Ф. Тютчева. С. 448–449 (прим.).

³⁰ См.: Лукина В.А. Тургенев и Фет. С. 195. Стихи опубликованы в кн.: Фет А.А. Соч. и письма. Т. II. С. 143–156. Здесь же, в приложении, помещены семь неопубликованных переводов Даумера-Хафиза (С. 254–257).

³¹ См.: Генералова Н.П. О Фете-переводчике // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. II. Переводы 1839–1863. С. 53–53.

³² Там же. С. 143.

³³ См.: Лукина В.А. Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза. С. 196, прим. 11.

³⁴ См.: Тургенев И.С. Письма: в 18 т. Письма 1859–1861 / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. IV. М.: Наука, 1987. С. 115 [31].

³⁵ См.: Лукина В.А. Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза. С. 201–202.

³⁶ См.: В.С. [Соловьёв В.С.]. Стихотворения. Из Гафиза // Русский вестник. 1885, июнь. Т. 177. С. 890–895 (далее: РВ85) [32]. Хафизовскому циклу Соловьёва посвящена статья: Юрина Н.Г.

работал летом того же года, находясь в имении Фета «Воробьевка»³⁷. Впоследствии одиннадцать из этих стихотворений были переизданы под названием «Из Гафиза» в первом издании сборника стихов, вышедшем в 1891 году³⁸. С тех пор одиннадцать хафизовских стихотворений (в том же порядке) включались в каждое последующее издание стихов Соловьева³⁹, став, по словам П. Дэвидсон, частью его «софиологической традиции»⁴⁰.

На основании указания Минц до сих пор считалось, что тексты Соловьева являются переводами с немецкого языка из сборника Ф. Боденштедта *Der Sanger von Schiras. Hafisische Lieder*⁴¹. Однако Соловьев перевел Хафиза не из Боденштедта.

Как уже упоминалось, в начале лета 1885 г. Соловьев отправился в имение Фета. Когда именно это произошло, точно неизвестно. 3 февраля 1885 г. Фет писал своему молодому другу: «Буду себя обманывать надеждой обнять Вас в начале апреля» [9, с. 394]. Однако в письме к Н.Н. Страхову, написанном, вероятно, в начале апреля, Соловьев сообщал: «Я сегодня уезжаю на несколько дней во Владимир и по возвращении буду Вас ждать, а потом, может быть, отправимся вместе к Фету или съедемся там. В твердой надежде скорого свидания не распространяюсь ни о чем» [36, I, с. 23]. Из писем, написанных в эти дни⁴², мы узнаем, что в начале мая философ еще находился в Москве, но готовился к отъезду в имение «Красный Рог» (Брянской губ.), где в это время находились графиня С.А. Толстая и ее племянница С.П. Хитрово, с которой Соловьев связывали романтические отношения⁴³; отсюда он, наверное, отправился в недалекую Воробьевку. Впоследствии Соловьев будет упоминать о своих переводах Хафиза уже после того, как они были опубликованы. В письме к Фету от 27 июля он

Восточная лирика в переводческой практике В.С. Соловьева // Традиции и новаторство в филологических исследованиях: Междунар. науч. конф. 25.10.2015. Balti: Univ. de Stat Alecu Russo, 2016. Т. 1. С. 185–189 [33]. В статье, однако, не указан источник переводов. Минц посвящает циклу несколько строк в своем предисловии «Владимир Соловьев – поэт» к кн.: Минц З.Г. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы (далее: Ст74). С. 32–33, 48.

³⁷ В журнальном издании цикл был опубликован без указания места и даты составления. Эти сведения приводились в конце стихотворений, которые были переизданы в сборнике 1891 г.: Соловьев В.С. Стихотворения. М.: Университетская тип., 1891. С. 57 (далее: Ст91) [34]. Это издание воспроизведено в анататической копии в кн.: Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. С. 7–88 (С. 1–78, по нумерации Ст91).

³⁸ См.: Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. С. 45–57. Тринадцать стихотворений, не включенных Соловьевым в Ст91, опубликованы составителем сборника в примечаниях (там же. С. 504–506).

³⁹ 2-е изд. – 1895 г.; 3-е изд. – 1900 г.; 4-е изд. – посмерт. 1902 г., и так далее, вплоть до изд. под ред. З.Г. Минц, Ст74. (см.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. С. 189–192).

⁴⁰ См.: Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge: Cambridge U.P., 1989. С. 113 [35].

⁴¹ *Der Sanger von Schiras. Hafisische Lieder / verdeutsch durch Friedrich Bodenstedt. Berlin: Hofmann, 1877.* (см.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Ст74. С. 337; Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. С. 504).

⁴² Соловьев В.С. Письма: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923. Т. IV. С. 165–167 [36].

⁴³ См.: Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. М.: Наследие, 2001. Кн. I. С. 737 [37].

писал: «В “Русском вестнике”, не предупредивши меня, напечатали Гафиза, так что я не успел послать Вам на просмотр в рукописи. Не просмотрите ли в печати?» [9, с. 394–395]. Учитывая, что стихи появились в июньском номере «Русского вестника», можно предположить, что Соловьёв работал над ними со второй половины мая по начало июня, находясь в Воробьевке, – неизвестно, в компании ли Фета и Страхова. С 1884 г. философ был занят написанием монументального труда «История и будущность теократии», в котором отстаивал идею воссоединения христианских церквей. Весной 1885 г. он жаловался друзьям на чувство подавленности из-за постоянно растущего объема работы: «мой теократический Левиафан» – в шутку называл он свою работу⁴⁴. В то же время усилилось напряжение в его отношениях с правительством и официальной церковью, критическое отношение к политической линии прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева создало вокруг него душающую атмосферу⁴⁵, что привело к появлению в сочинениях этого периода нот богохульства⁴⁶. Воробьевка представлялась ему оазисом, где он мог отдохнуть от усталости только что прошедших месяцев⁴⁷. В дни, проведенные там, он, видимо, случайно наткнулся на сборник Даумера, из которого Фет несколько лет назад перевел свои стихи. Возможно, именно случайностью объясняется отсутствие в переписке этих дней упоминаний о его переводах. На самом деле его гафизовские стихи – это переводы из Даумера, отличные, однако, от стихов, переведенных Фетом⁴⁸.

В отличие от Фета, который намеревался предложить русскому читателю «маленький букет», связанный из самых красивых поэтических цветов персидского поэта, Соловьёв, тоже сторонник истинного искусства, преследовал иные цели, хотя главные темы его переводов остались теми же: эрос, вино и религиозная гетеродоксия.

В его хафизовских стихотворениях любовь воспевается в различных формах: космическая сила, делающая любящего способным на титанические жесты («Небо звездное, ты блещешь...»), одушевляющая материю и пробуждающая природу («В мрачной келье замкнул я все думы свои...»; «От улыбки твоей благодатной...»); божественный дух («Пусть целый свет мне запрещает...»), который переживает смерть («Всех, кто здесь в любовь не верит...») и освобождает от земных тревог («Мимо кельи моей...»); торжество иррациональности («Если б ведал ум, как сладко...»; «Для меня вопрос мудреный...»); стремительный ветер, пронсящийся над влюбленным и убивающий его («Что деревья вихорь бурный...»). Тот, кто любит, готов отречься от себя и попрасть свои убеждения («У меня затем лишь очи...»; «Да свершится твоя воля...»). В некоторых стихотворениях воспевается опьянение и кощунственное неуважение к установленному порядку, но всегда в связи с эротической темой («Языков так много, много...»; «Что живет на этом свете...»; «Не мани меня ты, шейх...»; «Трезвую воду Гафиз презирует...»; «Горькой мудростью

⁴⁴ См.: Мочульский К.В. Владимир Соловьёв: жизнь и учение. Paris: YMCA-Press, 1936 (в частности, гл. «Теократия. 1884–1889») [38].

⁴⁵ См.: Письмо В.С. Соловьёва к Ф.Б. Гецу, дек. 1886 // Соловьёв В.С. Письма. Т. II. С. 142.

⁴⁶ Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Ст74. С. 16.

⁴⁷ В письме Соловьёва к Фету от 27.07.1885 читаем: «Надеюсь [...], что Воробьевка останется в числе немногих оазисов» (см.: Переписка Фета с Вл.С. Соловьёвым (1881–1892). С. 394).

⁴⁸ Таблицу с текстами Соловьёва, сопоставленными с оригиналами Даумера, можно найти в приложении к статье: Lena Corritore A. Vladimir Solov'ev, traduttore di Ḥāfēz // Europa Orientalis. 2023. № 42 [39].

людскою...»; «Бедный монах не поможет...»; «За стаканом стакан наливать...»; «С клубуком, сказать по правде...»); вино просветляет разум, открывает путь к постижению тайн мироздания, помогает бороться со злом («Ты неси мне камень мудрых...»; «Воды, шумящие волны, – потоп угрожает!...»; «Зачем ты пьешь? я знать желаю!...»). Два последних стихотворения посвящены неоплатонической теме злой сущности феноменального мира («Тише, тише! Злобный свет...»; «Зданье жизни твоей ныне...»).

Те же темы представлены и в одиннадцати стихотворениях, вошедших в сборник 1891 г., поэтому считаем, что Соловьев просто выбрал те переводы, которые оказались ему наиболее удачными.

Переводы – очень вольные: текст часто перестраивается в соответствии с ритмическими требованиями, не всегда соблюдается количество строк, часто игнорируется схема рифмы. Соловьев перевел в основном очень короткие стихотворения: 17 четверостиший из 24 текстов, причем два из них переданы в форме секстин (PB85: XIII, XVII). Он обошел стороной стихи, в которых структура газели наиболее очевидна, ограничившись переводом лишь трех четверостиший, отдаленно напоминающих эту форму (Д56: CCXIV, CCXXXII, CXV); в переводе, однако, он не потрудился подражать ей. В шести случаях последовательность рифм оригинальных текстов сохранена, но это четверостишия, т.е. краткие формы, в которых второй стих рифмуется с четвертым (PB85: V, VII, XII, XVI), или четверостишия с чередующимися рифмами (IV, XIX). Таким образом, они не слишком отличаются от традиционных западных четверостиший. Словом, в этих переводах не обнаруживается стремления автора передать музыкальность и ритм восточной поэзии либо подражать форме газели (пусть и в даумеровском варианте).

Что касается содержания, несмотря на соблюдение общего смысла текста, некоторые тексты содержат изменения или дополнения. Таких примеров много, но более интересны случаи, когда переводчик изменяет смысл оригинала, акцентируя свои мысли. Такая практика выходит далеко за рамки теоретического утверждения, содержащегося во введении к переведенным много лет спустя «Диалогам» Платона, в котором Соловьев признавал право переводчика нарушать принцип безусловного буквализма: «Переводчик, желающий верно *передать*, а не *предать* своего автора ..., должен одинаково остерегаться и Сциллы неуместного сочинительства, и Харибды мертвого буквализма, и то и другое одинаково несовместно с *верностью* перевода» [8, I, с. X.].

Приведем несколько примеров, в которых граница между переводом и оригиналом Даумера–Хафиза становится очень размытой.

PB85: X Да свершится твоя воля! Я иду не медля боле, <u>Хоть иду я поневоле...</u> <u>Боже!</u> я иду в мечеть!	Д56: CCXXXII Was du forderst, es gescheh'! Rede nur, o <u>Lieb</u> , ich geh', <u>Ob es auch ein saurer Gang</u> , Alsofort in die Moschee.
---	---

Оригинал дословно звучит так: «Одно слово от тебя, о Любовь, и я иду, / хоть путь тяжел, / сразу в мечеть». Тогда как в переводе лирическое «Я» более традиционно обращается к Богу, а не к Любви (перевод наш. – Л.А.К.).

PB85: I За один лишь <u>мимолетный</u> Взгляд, иль за улыбку Все твои золотые искры, – И Плеяд, и Ориона, – Смелой я <u>схвачу</u> рукою <u>И повергну перед нею,</u> <u>Перед тою, что не звезды,</u> <u>А пылающее солнце</u> <u>В сердце друга зажигает.</u>	Д56: XIX Für einen Blick <u>der Gnade,</u> Für eine Lächelspende <u>Faßt Liebe deine schönsten</u> Goldfunken in die Hände, Entraffet dir, die kühne, Orion und Plejade <u>Und streut sie vor die Füße</u> <u>Dem, was sie liebet, hin.</u>
--	---

В переводе именно лирическое «Я» срывает с неба созвездия, чтобы бросить их к ногам возлюбленной, которая зажигает в его сердце пылающее солнце. В то время как оригинал гласит: «За взгляд Благодати, // за улыбку // Любовь схватывает в руки твои [Неба] прекраснейшие // золотые искры, // срывает с тебя, смелая, // Орион и Плеяды // и рассыпает их у ног // того, кто любит» (перевод – наш).

И наконец, еще один пример.

PB85: XI <u>Но во всех звучит одно:</u> <u>По турецки, по арабски –</u> Верь в любовь и пей вино! Ст91: XXXV <u>И во всех звучит одно:</u> <u>По-ромейски, по-фарсийски –</u>	Д56: CCXLVI <u>Aber einfach unsre Triebe;</u> <u>Sei's auf türkisch, auf arabisch,</u> Reimt nur immer Wein und Liebe!
---	---

В данном случае, помимо трансформации ст. 2 (по-немецки: «но просты наши инстинкты», перевод – наш; тогда как у Соловьёва: «но/и во всех звучит одно»), заслуживает внимания ст. 3: он переведен точно по оригиналу в версии 1885 г., но изменяется в издании 1891 г. Здесь вместо первоначальных турецкого и арабского языков, которые для Даумера–Хафиза должны были представлять всю мусульманскую эйкумену, неожиданно появляются ромейский и фарсийский.

Складывается впечатление, что Соловьёв хотел не столько перевести Хафиза, сколько изменить его слова для выражения собственной мысли. Переделав ст. 3 и установив таким образом связь между двумя культурами – христианской и мусульманской, он делал персидского поэта своего рода восточным alter ego или, по крайней мере, своим единомышленником.

В своей речи «Три силы», произнесенной в 1877 году, накануне русско-турецкой войны 1877–1878 годов, философ определял для России роль «примиряющего начала» между двумя противоборствующими мировыми силами, представленными мусульманским Востоком, с одной стороны, и западно-христианской цивилизацией – с другой. Ввиду будущего свободного воссоединения всего человечества, Россия, носительница «третьей божественной силы», была призвана «сообщить живую душу, дать жизнь и целостность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с

вечным божественным началом»⁴⁹. Ромейский язык, т.е. византийский греческий, на котором говорили в Восточной Римской империи, идеальной наследницей которой являлась Россия, и фарсийский язык мусульманского Хафиза представляли тогда два противоположных культурных полюса, синтез которых должен был осуществиться в поэтическом и пророческом голосе сына России, самого Соловьева.

Что касается эротической темы, то соловьевская манера поразительно схожа с поэтической манерой в любовной лирике псевдо-Хафиза (как и настоящего). З.Г. Минц подметила: «Подлинный смысл каждого явления ... раскрывается у Соловьева-лирика в результате объединения по меньшей мере двух рядов значений: земного, эмпирически-реального, и “высокого”, мистически-идеального» [1, с. 28]. Двойственность (или множественность) смысловых планов присутствует, как уже отмечалось, и у Хафиза, у которого амфиболии постоянны. Для персидского поэта, как и для Соловьева, «“земной план” изображаемого очень существенен: он раскрывается не только как *подобие* идеальной сущности явлений, но и как *единственный путь* к ее постижению»⁵⁰. В природе двух этих поэтов «благоговение сплеталось с эросом, любовь земная всегда предшествовала любви небесной»⁵¹. В этом отношении Соловьев был гораздо ближе к Хафизу, чем Фет. В персидском поэте последний видел певца красоты и раскрывающей ее любви, но рассматривал эстетическое явление в его самоценности; для Соловьева же красота была проводником божественного, как и для Хафиза, у которого юные красивые виночерпии (у Даумера – возлюбленная женщина) всегда являются олицетворением Бога. Именно эти темы будут разрабатываться Соловьевым в последующие годы и найдут отражение в серии статей, ключевых для понимания его мировосприятия и ставших объектом пристального внимания поэтов-символистов: «Красота в природе» (1889 г.), «Общий смысл искусства» (1890 г.), «Смысл любви» (1892 г.), «Жизненная драма Платона» (1898 г.) и др.

Двойственная природа божественной любви, одновременно духовной и чувственной, вакхическое опьянение как образ мистического восторга, неприятие всех форм неискреннего и поверхностного религиозного морализма – все эти темы, навеянные Хафизом (или, вернее, псевдо-Хафизом), будут восприняты и младосимволистами. Вяч. Иванов, в частности, создал в 1906 г. кружок, названный, как уже говорилось, именем персидского поэта, члены которого активно практиковали его заветы. Этот опыт принесет важные результаты как в плане поэтического творчества, так и в плане теоретико-философского осмысления наследия Хафиза, масштабы которого еще предстоит изучить во всех его проявлениях. И, как уже говорилось, переводы Хафиза, выполненные Соловьевым, играют в этой истории основополагающую роль.

⁴⁹ См.: Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 29 [40].

⁵⁰ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. статья, сост. и примеч. З.Г. Минц. С. 28.

⁵¹ См.: Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. Кн. I. С. 751.

Список литературы

1. Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. статья, сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, 1974. 350 с.
2. Черкасова Е.А. В.С. Соловьёв – переводчик Данте // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 1(73). С. 40–54.
3. Foni G. L'onda peregrina tra le culture: un'aria dell'Artaserse tra Metastasio e Solov'ëv // *Comunicare Letteratura*. 2013. No. 6. P. 253–265.
4. Вергилий. Энеида: в 2 т. / пер. А. Фета, с введ., объясн. и проверкой текста Д.И. Нагуевского. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888. Т. 1. 201 с.; Т. 2. 196 с.
5. Теперик Т.Ф. Владимир Соловьёв: поэтика перевода (на материале «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 158–164.
6. Ипатова С.А. Об участии В.С. Соловьёва в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 119–135.
7. Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / сост. ст. коммент. Н.В. Котрелева. М.: Книга, 1990. 574 с.
8. Творения Платона: в 2 т. / пер. с греч. В.С. Соловьёва. М.: К.Т. Солдатенков, 1899–1903. Т. 1. 376 с.; Т. 2. 396 с.
9. Переписка Фета с Вл.С. Соловьёвым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–427.
10. Брюсов В.Я. Владимир Соловьёв. Смысл его поэзии // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. Т. VI / под общ. ред. П.Г. Антокольского. М.: Худож. лит., 1973–1975. С. 218–230.
11. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
12. Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Богомолов Н.А. М. Кузмин: статьи и материалы. М.: НЛЮ, 1995. С. 67–98.
13. Shishkin A. Le banquet platonicien et soufi à la 'Tour' pétersbourgeoise. Berdjaev et Vjačeslav Ivanov // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. (Un maître de sagesse au XX-e siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps)*. 1994. Vol. 35, No. 1–2. P. 15–79.
14. Шишкин А.Б. Северный Гафиз (Новые материалы) // Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова «От Кибирова до Пушкина» / сост. А. Лавров, О. Лекманов. М.: НЛЮ, 2011. С. 687–701.
15. Hafez // *Encyclopaedia Iranica* / E. Yarshater (ed.). New York: Columbia University, 2003. Vol. XI. Fasc. 5. P. 461–507. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/hafez>.
16. Hāfez. *Ottanta canzoni* / a c. di S. Pellò. Torino: Einaudi, 2008. 200 p.
17. Said E.W. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979. 368 p.
18. Орлицкий Ю. Газэлы Вячеслава Иванова // Вяч. Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 247–258.
19. Чалисова Н., Смирнов А. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: Изд-во «Восточная лит.» РАН, 2000. С. 245–344.
20. Эберман В.А. Арабы и персы в русской поэзии // Восток. Кн. III. М.; Пб.: Всемирная лит., 1923. С. 108–125.
21. Михайлов А.В. Поэзия «Западно-восточного дивана» в русских переводах // Гете И.В. Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 681–708.
22. Генералова Н.П. О Фете-переводчике // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. II. Переводы 1839–1863 / тексты и коммент. подгот. А.В. Ачкасов, Н.П. Генералова, В.А. Лукина, А.В. Успенская. СПб.: Фолио-Пресс, 2004. С. 519–546.
23. Фет А.А. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1959. 897 с.

24. Klenin E. Turgenev's Gift, or How Fet Read Daumer and Translated Hafiz // Стих, язык, поэзия. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 255–262.
25. Лукина В.А. Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза // Тургенев: новые материалы и исследования / ИРЛИ РАН; отв. ред. Н.П. Генералова, А.В. Лукина. СПб.: Альянс-Архео, 2009. Вып. I. С. 193–208.
26. Алексеев П.В. Хафиз в творческом сознании А.А. Фета // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 71–79.
27. Саяпова А.М. Диалог творческого сознания А.А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз). М.: Изд-во «Флинта», 2016. 164 с.
28. Daumer G.F. Hafis: eine Sammlung persischer Gedichte: nebst poetischen Zugaben aus verschiedenen Völkern und Ländern. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1856. 352 p.
29. Горбачевский А.А. Перевод или мистификация? (Хафиз в переводах А. Фета) // Уржумка. 1997. № 1(3). С. 50–51.
30. Фет А.А. О стихотворениях Ф. Тютчева // Фет А.А. Соч. и письма. Т. III. Повести и рассказы: Критические статьи / тексты и коммент. подгот. Н.П. Генералова, А.Ю. Сорочан, М.В. Строганов, А.В. Успенская, Л.И. Черемисинова. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. С. 176–194 (прим. с. 448–458).
31. Тургенев И.С. Письма: в 18 т. Письма 1859–1861 / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. IV. М.: Наука, 1987. 766 с.
32. В.С. [Соловьев В.С.]. Стихотворения. Из Гафиза // Русский вестник. 1885, июнь. Т. 177. С. 890–895.
33. Юрина Н.Г. Восточная лирика в переводческой практике В.С. Соловьева // Традиции и новаторство в филологических исследованиях: Междунар. науч. конф. 25.10.2015. Bălți: Univ. de Stat Alecu Russo, 2016. Т. 1. С. 185–189.
34. Соловьев В.С. Стихотворения. М.: Университетская тип., 1891. 75 с.
35. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge: Cambridge U.P., 1989. 319 p.
36. Соловьев В.С. Письма: в 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923.
37. Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. Кн. I. М.: Наследие, 2001. С. 732–778.
38. Мочульский К.В. Владимир Соловьев: жизнь и учение. Paris: YMCA-Press, 1936. 264 с.
39. Corritore L.A. Vladimir Solov'ev, traduttore di Ḥāfēz // Europa Orientalis. 2023. № 42. С. 239–263.
40. Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 19–31.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bryusov, V.Ya. Vladimir Solov'ev. Smysl ego poezii [Vladimir Solovyov. The Meaning of His Poetry], in Bryusov, V.Ya. *Sobranie sochineniy: v 7 t., t. VI* [Collected Works in 7 vols., vol. VI]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1973–1975, pp. 218–230.
2. Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t., t. II. Perevody 1839–1863* [Works and Letters in 20 vols., vol. II. Translations 1839–1863]. Saint-Petersburg: Folio-Press, 2004. 704 p.
3. Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenyy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959. 897 p.
4. Fet, A.A. O stikhotvorenyakh F. Tyutcheva [On the Poems of F. Tyutchev], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 t., t. III. Povesti i rasskazy: Kriticheskie stat'i* [Works and Letters in 20 vols.,

vol. III. Novels and Short Stories. Critical Articles]. Saint-Petersburg: Folio-Press, 2006, pp. 176–194 (pp. 448–458 nn.).

5. Hāfez. Ottanta canzoni [Eighty Songs]. Torino: Einaudi, 2008. 200 p.

6. Solov'ev, V.S. *Pis'ma: v 4 t.* [Letters in 4 vols.]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908–1923.

7. Solov'ev, V.S. Tri sily [Three Powers], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya: v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 19–31.

8. Turgenev, I.S. *Pis'ma: v 18 t., vol. 4. Pi'sma 1859–1861* [Letters in 18 vols., vol. 4. Letters 1859–1861], in Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1987. 766 p.

9. *Tvoreniya Platona: v 2 t.* [Plato's Writings in 2 vols.]. Moscow: K.T. Soldatenkov, 1899–1903. Vol. 1. 376 p.; Vol. 2. 396 p.

Individual Works

10. Daumer, G.F. Hafis: eine Sammlung persischer Gedichte: nebst poetischen Zugaben aus verschiedenen Völkern und Ländern. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1856. 352 p.

11. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Joke Plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1974. 350 p.

12. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary criticism]. Moscow: Kniga, 1990. 574 p.

13. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1891. 75 p.

14. Vergiliy [Virgil], in *Eneida: v 2 t.* [Aeneid: in 2 vols.]. Moscow: tipografiya A.I. Mamontova i K^o, 1888, vol. 1. 201 p.; vol. 2. 196 p.

15. V.S. [Solov'ev, V.S.]. *Stikhotvoreniya. Iz Gafiza* [Poems. From Hafez], in *Russkiy vestnik*, 1885, June, vol. 177, pp. 890–895.

(Articles from Scientific Journals)

16. Alekseev, P.V. Khafiz v tvorcheskom soznanii A.A. Feta [Hafez in the Creative Consciousness of A.A. Fet], in *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2014, no. 1, pp. 71–79.

17. Eberman, V.A. Araby i persy v russkoy poezii [Arabs and Persians in Russian poetry], in *Vostok. Kn. III* [The East. Book 3]. Moscow; Petersburg: Vsemirnaya literatura, 1923, pp. 108–125.

18. Foni, G. L'onda peregrina tra le culture: un'aria dell'Artaserse tra Metastasio e Solov'ev [The Peregrine Wave Between Cultures: An Aria from Artaxerxes Between Metastasio and Solovyov], in *Comunicare Letteratura*, 2013, no. 6, pp. 253–265.

19. Gorbachevskiy, A.A. *Perevod ili mistifikatsiya (Khafiz v perevodakh A. Feta)* [Translation or Mystification? (Hafez in Translations by A. Fet)], in *Urzhumka*, 1997, no. 1(3), pp. 50–51.

20. Ipatova, S.A. *Ob uchastii V.S. Solov'eva v fetovskom perevode «Eneidy» Vergiliya* [On V.S. Solovyov's Participation in Fet's Translation of Virgil's Aeneid], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 4(68), pp. 119–135.

21. Corritore, L.A. Vladimir Solov'ev, traduttore di Hāfez [Vladimir Solovyov, Translator of Hafez], in *Europa Orientalis*, 2023, no. 42, pp. 239–263.

22. Mikhaylov, A.V. *Poeziya «Zapadno-vostochnogo divana» v russkikh perevodakh* [The Poetry of «West-Eastern Divan» in Russian Translations], in Gete, I.V. *Zapadno-vostochnyy divan* [West-Eastern sofa]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 681–708.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

23. Bogomolov, N.A. *Peterburgskie gafizity* [The S.-Petersbourg Hafezites], in Bogomolov, N.A. *M. Kuzmin: stat'i i materialy* [M. Kuzmin: Articles and Materials]. Moscow: NLO, 1995, pp. 67–98.

24. Chalisova, N., Smirnov, A. *Podrazhaniya vostochnym stikhotvortsam: vstrecha russkoy poezii i arabo-persidskoy poetiki* [Imitations of Oriental Poets: The Meeting of Russian Poetry and Ar-

ab-Persian Poetics], in *Sravnitel'naya filosofiya* [Comparative philosophy]. Moscow: Izdatel'stvo «Vostochnaya literatura» RAN, 2000, pp. 245–344.

25. Cherkasova, E.A. V.S. Solov'ev – perevodchik Dante [V.S. Solovyov, Translator of Dante], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2022, issue 1(73), pp. 40–54.

26. Klenin, E. Turgenev's Gift, or How Fet Read Daumer and Translated Hafiz. Stikh, yazyk, poeziya. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2006, pp. 255–262.

27. Lukina, V.A. Turgenev i Fet v rabote nad perevodami iz Gafiza [Turgenev and Fet at Work on Translations from Gafiz], in *Turgenev: novye materialy i issledovaniya. Vyp. 1* [Turgenev: new materials and research. Issue 1]. Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2009, pp. 193–208.

28. Magomedova, D.M. Vladimir Solov'ev [Vladimir Solovyov], in *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov): v 2 kn., kn. 1* [Russian literature of the Turn of the Century (1890s – early 1920s): in 2 books, book 1]. Moscow: Nasledie, 2001, pp. 732–778.

29. Orlitskiy, Yu. Gazely Vyacheslava Ivanova [Vyacheslav Ivanov's Ghazals], in *V. Ivanov: issledovaniya i materialy. Vyp. 3* [V. Ivanov: research and materials. Issue 3]. Moscow: IMLI RAN, 2018, pp. 247–258.

30. Petrova, G.V. Perepiska Feta s V.I.S. Solov'evym (1881–1892) [Fet's Correspondence with V.S. Solovyov (1881–1892)], in A.A. Fet: materialy i issledovaniya. Vyp. 2 [A.A. Fet: materials and research. Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 359–427.

31. Shishkin, A. Le banquet platonicien et soufi à la 'Tour' pétersbourgeoise. Berdjaev et Vjačeslav Ivanov [The Platonic and Sufi Banquet at the Petersburg "Tower". Berdyaev and V. Ivanov], in Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. (Un maître de sagesse au XX-e siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps), 1994, vol. 35, no. 1–2, pp. 15–79.

32. Shishkin, A.B. Severnyy Gafiz (Novye materialy) [Northern Hafez (New Materials)], in *Sbornik v chest' 60-letiya N.A. Bogomolova «Ot Kibirova do Pushkina»* [Collection in honor of the 60th anniversary of N.A. Bogomolova "From Kibirova to Pushkin"]. Moscow: NLO, 2011, pp. 687–701.

33. Teperik, T.F. Vladimir Solov'ev: poetika perevoda (na materiale «Eneidy» Vergiliya) [Vladimir Soloviev: Poetics of Translation (on Virgil's Aeneid)], in *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 158–164.

34. Yurina, N.G. Vostochnaya lirika v perevodcheskoy praktike V.S. Solov'eva [Oriental Lyrics in the Translation Practice of V.S. Solovyov], in *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Traditsii i novatorstvo v filologicheskikh issledovaniyakh»*, 25.10.2015 [International Scientific Conference "Traditions and Innovation in philological research", 10/25/2015]. Bălți: Univ. de Stat Alecu Russo, 2016, vol. 1, pp. 185–189.

(Monographs)

35. Davidson, P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge: Cambridge U.P., 1989. 319 p.

36. Gasparov, M.L. *Russkiy stikh nachala XX veka v kommentariyakh* [Early Twentieth-Century Russian Verse in Commentaries]. Moscow: Fortuna Limited, 2001. 288 p.

37. Mochul'skiy, K.V. *Vladimir Solov'ev: zhizn' i uchenie* [V. Solovyov: Life and Teachings]. Paris: YMCA-Press, 1936. 264 p.

38. Said, E.W. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. 368 p.

39. Sayapova, A.M. *Dialog tvorcheskogo soznaniya A.A. Feta s Vostokom* [Dialogue of A.A. Fet's Artistic Consciousness With the East]. Moscow: Izdatel'stvo «Flinta», 2016. 164 p.

(Electronic Resources)

40. Yarshater, E. (ed.). Hafez. Encyclopaedia Iranica. New York: Columbia University, 2003, vol. XI, fasc. 5, pp. 461–507. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/hafez>.